

Мамушка

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Custra

Ссылка на публикацию

Голод колотит в барабан живота моего. "Бам-бам-бам" Мамушка шепчет: — Нужно искать новый дом. Новое тепло. Пищу. "Дом-дом-дом" Я ищу. Я верткая. Я незаметная. Я хорошо чую. Мамушка большая, округлая. Она разучилась находить, разучилась чуять. Она хочет только спать, есть и щелкать зубами над моим ухом. "Клац–клац–клац" Мамушка грозит, если я не накормлю ее, она начнёт откусывать от меня кусочки. Сначала затылок, затем правую щёчку, позже пяточку. *** Идеей переехать в сельскую местность Игнат загорелся ещё во времена отрочества, и даже будущую спутницу жизни подбирал с учетом мечты. Лика подходила идеально. Крепкая, не слишком привлекательная, приехавшая из поселка покорять большой город. Она выросла в полной семье, где слово отца считалось законом. Игнат очень быстро пленил Лику своей непохожестью на ее грубоватую родню, и поселковую молодежь, среди которой она до этого варилась. Он умел красиво говорить, романтично ухаживать, а ещё имел вполне приличный, а по меркам непритязательной Лики, так и вовсе

заоблачный, достаток. Не прошло и года с момента знакомства, как они поженились. И буквально наутро после брачной ночи он начал аккуратно обрабатывать новоиспеченную жену. Поначалу Лика сопротивлялась: больно не хотелось ей такого шага назад — из комфортной столичной квартиры обратно к печи и сортиру на улице. Игнат был настойчив и упрям, обещал ей не деревенскую развалюху, а настоящую усадьбу со всеми удобствами. Подальше от лицемерного общества, поближе к матери-природе. Сдаваться Лика начала после рождения первенца. Валечка родился нервным и хилым — педиатры наперебой советовали ему больше свежего воздуха и физических нагрузок. Тишина, речка, лесные шорохи вместе с непрерывным давлением мужа сделали своё дело и примирили Лику с будущей сельской жизнью. Игнат начал стройку, сперва неторопливо и размеренно, но стоило Лике забеременеть во второй раз, как скорость возросла, а тонкий ручеек финансов, вливаемый в будущую усадьбу, превратился в неконтролируемый бурлящий поток. Я нашла, сама нашла. Такой, как надо. Он пока ночами пустым был, но я чуяла — это ненадолго. Будет и логово, и пища. Мамушка ползёт медленно из одной тени в другую. Брюхо скребёт по земле. "Шорш-шорш-шорш" Грозит, бранится, кусает меня. Хорошо, что она теперь такая неуклюжая и старая. Нуждается во мне, а иначе уж, верно, загрызла бы. Любит, а все одно загрызла б. Наш новый дом большой. Пахнет резко — краской, суетой и людьми. Люди теплые, сладкие. Я умею на таких охотиться, подготавливать будущую пищу. Раньше мамушка меня кормила, теперь мой черед. А ещё люди глупые, не видят нас вовсе. Мамушка весь подвал собой заняла, а они снуют туда-сюда по лапам и брюху ее топчутся, а не видят. "Стук-шлеп-стук" Не слышат, вон, даже, как в мягкое проваливаются. А я себе гнездо в углу подвальном сплела. От мамушки подальше, повыше. Есть хочется. Слюни так и текут и об пол бьются. "Кап-кап-кап" Но сам дом ее впечатлил. Высокий, крепкий, благоухающий свежестью. Два этажа с просторными комнатами — детская для Вальки, расписанная героями мультиков, спальня, в окно которой стучит сосновая лапа, и гостиная в ее любимых лавандовый тонах. Участок оказался не столь облагорожен. — Не успели, — виновато разводил руками муж. — Ничего, зато по своему вкусу обустроишь: хочешь — розы посадишь, а хочешь — помидоры с кабачками. Себе под кабинет Игнат выбрал небольшую угловую комнату. В дальнейшем он хотел совсем перейти на натурхозяйство — приобрести коров, птиц, возможно даже, создать экообщину, собрав вокруг себя единомышленников. Себе он, конечно, отводил в ней роль духовного лидера. Правда, на вещи он все же смотрел трезво и не собирался в ближайшее время отказываться от удаленки, которая успешно кормила его уже не первый год. Поэтому генератор в подвале тарахтел практически непрерывно, а кабинет надежно запирался изнутри, оберегая покой Игната от излишне любопытных и соскучившихся. Трое их. Маленький-сладенький, совсем детушка. Большой, он слегка горчил, когда я его

попробовала, и ещё одна. От этой последней у меня в голове удивительные мысли забродили. Сон не сон, воспоминания. Тепло и влажно. Мерный стук. Я внутри, меня качает волнами. Мамушка так опьянела от их запахов, что готова была сама ползти лакомиться. Я отговорила. Нельзя ей. Заметят — сбегут. И сразу досуха нельзя — ненадолго хватит. Сама ведь когда-то учила: подкрадись осторожно, поцелуй, подожди пару дней, а потом уж тяни потихоньку, и свое вливать не забывай, готовь их к пиру, как следует. Совсем уж плоха мамушка, не помнит ничего — буйствует. Я ей в зобе немножко маленького принесла, только тогда присмирела, растеклась накормленная. Я все вспоминала, как колыбельную она мне раньше напевала: "Дон-дилинь-бом Ииу-ииу-шии" И так много-много раз, пока я плакать не переставала и в голове не делалось тихо и гладко. Сейчас мой черед успокаивать и заботиться. *** Сначала заболел Валя. Вернее, Лика считала, что он заболел, а Игнат утверждал, что сын отбился от рук. Всегда отзывчивый, добрый мальчик резко стал капризным и невыносимым исчадием ада. Он начинал орать сразу после пробуждения. Малейшее замечание — и падал на пол, сучил ногами, переходя на ультразвук. Лике казалось, что ее голова вот-вот расколется на две половинки от его воплей. Она увещевала, ругала, пыталась задействовать Игната, но тот лишь кривился и запирался в своем кабинете, не выходя оттуда до тех пор, пока измученная жена не укладывала Вальку спать. Остро и болезненно сын, который еще месяц назад с удовольствием выбирал имя будущей сестренке, теперь реагировал на любое упоминание о ней. Он старался толкнуть Лику, ударить острым кулачком в ее выпирающий живот. А она терялась, украдкой плакала и все равно подходила обнять, прижать к себе и приголубить. А потом случилось то самое происшествие.На коренастой березе, растущей во дворе, свили гнездо галки. Совсем низко, так что Лика водила к ней Вальку посмотреть на вылупившихся птенцов, на их клювы, распахнутые в требовательном писке. Если прислонить к дереву стремянку и забраться по ней, до гнезда мог достать даже ребенок. Валька и достал. Когда Лика, задремавшая в кресле-качалке под мерное жужжание июльского полдня, резко проснулась – она успела увидеть только конец казни. Валька с жуткой ухмылкой сдавливал в кулаке последнего птенца из разоренного гнезда. Четыре кровавых комочка уже лежали на ступеньках стремянки. Тогда Лика впервые по-настоящему ударила сына – дала пощечину. Корила себя потом, стискивая орущего ребенка. Укладывая его вечером, она впервые обратила внимание на то, как изменился сын внешне. Младенческая пухлость сошла, уступив место чуть ли не подростковой угловатости. Он не выглядел больным, но и на себя прежнего похож не был. Красные бугорки прыщей появились на щеках, а над верхней губой стали пробиваться черные волосинки. «Ссс-ссс-ссс» Несколько капель мне, чтобы успокоить голод – остальное собираю в зобу для мамушки. Теперь последнее – наполнить его собой и заткнуть дырочку. Он тогда внутри бродить будет, разжижаться. Скоро, очень

скоро все они приготовятся, и тогда мы с мамушкой полакомимся вдосталь. *** Лика погрязла в вязком и тягучем и сама не заметила, как это произошло. Вчера еще она уговаривала Игната отвезти Валю в больницу, а сегодня и думать про это забыла. А может, и не день прошел – неделя или даже полмесяца. Она не узнавала сына, не узнавала мужа и себя в зеркале. Лика совершала привычные действия, монотонные и однообразные. Встать, приготовить завтрак, пойти посидеть во дворе, равнодушно глядя на то, как ее любимый мальчик визжит, катаясь по траве, или колотится головой о стену дома. Игнат менялся иначе. Его лицо высохло, глаза запали. Он находился в постоянном нервном возбуждении, вспыхивал агрессией на каждое слово и так же быстро эти вспышки схлопывались, и он принимался суетливо ходить из комнаты в комнату, как слепой, натыкаясь на углы и врезаясь в стены. Однажды они почти собрались уехать в город. Стояли втроём на пороге с сумками. Игнат уронил ключи от машины, нагнулся за ними, а когда поднял — направился не наружу, а в спальню. Лег на кровать уставился в стену, ладони и ступни у него мелко подергивались. Лика пошла за ним, а через два часа обнаружила себя у плиты меланхолично помешивающей воздух в пустой кастрюле на незажженной горелке. *** Лике дурно, она покачивается на волнах тошноты. Сводит живот, выдергивая ее этой болью из стылого сумрака. Трудно разобрать, пасмурный день или вечерние сумерки за окном. Сосновая лапа настойчиво скребёт оконное стекло. Лика встаёт и тут же сгибается пополам от резкой схватки. В голове становится ясно, она чувствует неприятный холод мокрой ночной рубашки облепившей бедра, страх, а затем отчаянье. В ней загорается порыв — бежать. За сыном в комнату, а потом прочь из дома. Но бежать она не может, лишь ползти, опираясь рукой о стену. Схватки отступают, и по венам Лики вновь растекается всякий кисель равнодушия. Она застывает. Нить слюны связывает нижнюю губу и ворот рубашки. *** Мамушка ползёт медленно. Ступенька за ступенькой из подвала выше. Наружу. Ее брюхо скользит по гладкому полу. Я оставляю мамушке Его целиком. Он все равно продолжает горчить, мне не нравится — нутро вяжет. Для меня есть маленький. Я вижу, как она поглощает мужчину, расплескавшись поверх. Вбирая всей своей плотью. Маленький-сладенький, почти детушка. Разжижелся внутри, тянуть приятно. На третьей или четвертой схватке Лике удается дойти до детской. Валечка, ее Валюша лежит на полу. Воздух над ним дрожит, как марево над асфальтом в сильный зной, и из этого марева проявляются то детские ручки, то паучьи лапы. Жёлтое хитиновое брюхо навалилось на грудную клетку сына, проломило его, исчезло, но теперь он вогнутый, как смятая картонная коробка. Лика падает на пол, вьется ужом вокруг своего живота из которого наружу рвется плод—дитя—детушка. *** Эта пахнет иначе. Кровью пахнет. Не нравится мне запах крови. Я ем Ее быстро, без удовольствия, ведь я уже сыта. Но вот то другое в Ней, новое, совсем-совсем чистое. Я помогаю ему родиться. Я рожаю

его вместе с Ней, вместо Нее. Я вылизываю комочек. Оно пищит. Ты спи, детушка, усни.